

- сочетаний. – Киев. – Одесса, 1976. – С. 212.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и словосочетаниях. – 1925. – С. 300.
14. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 77-100.
15. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. – In.: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. VI. – Praha, 1936. – P. 280.

УДК 811.161.1

Лопухина А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

К ИСТОРИИ ФОНЕМЫ <ѐ> В ОДНОМ ИЗ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ XVII ВЕКА

A. Lopukhina

Moscow State University

TO THE HISTORY OF THE PHONEME <Ě> IN ONE OF THE ARKHANGELSK DIALECTS OF THE 17th CENTURY

Аннотация. В статье реконструируется качество фонемы <ѐ> в шенкурском диалекте XVII века. Для определения звука на месте *ѣ приводятся материалы памятников деловой письменности, которые сравниваются с данными диалектных записей XX века. Для определения времени начала утраты фонемы <ѐ>, полученные результаты сопоставляются с материалами тех же рукописей, касающихся фонемы <ф>. В результате делается вывод, что <ѐ> как особая фонема была свойственна изучаемому говору в XVII веке, а утрачиваться начала позднее.

Ключевые слова: историческая фонетика русского языка, диалектология, архангельские говоры, памятники деловой письменности, фонема <ѐ>.

Abstract. The article reconstructs the quality of phoneme <Ě> in Shenkursk dialect of the 17th century. To determine the sound in place of ancient *ě materials from the business manuscripts are presented and compared with dialect recordings of the 20th century. Then, to determine the start time of disappearing of phoneme <Ě>, the results are compared with the material on phoneme <φ>, obtained from the same manuscripts. It turns out that <Ě> was a separate phoneme in Shenkursk dialect of the 17th century and that it started to disappear later.

Key words: historical phonetics, Russian language, dialectology, Arkhangelsk dialects, business manuscripts, phoneme <Ě>.

Реконструкция качества *ѣ по материалам памятников деловой письменности представляет значительные трудности. Интерпретация написаний с буквами ѣ, е, и на месте *ѣ осложняется стремлением писцов соответствовать определенной орфографической норме [4, с. 71]. Вопрос о времени окончательной утраты фонемы <ѐ> в говорах новгородского типа остается одной из нерешенных проблем исторической фонетики русского языка. Почти все исследователи единодушны в том, что в XVII в. в безударных слогах особого звука на месте фонемы <ѐ> уже не было, однако в отношении ударного положения мнения историков языка расходятся [4, с. 68].

Ниже мы попробуем определить, что произносилось в соответствии с этимологическим *ѣ под ударением в шенкурском говоре конца XVI–XVII вв. Материалом исследования послужи-

ли документы делового и бытового содержания из Важского Богословского монастыря¹.

Рассмотрим этимологически верные употребления **ѣ**, а также его замены перед твердыми и перед мягкими согласными.

Позиция перед твердыми согласными

Для шенкурского диалекта XVII в. мы реконструируем твердые шипящие [ж] и [ш] (см., например, написания: *жы^мни^чно^у клю^чни^х* [2/19 - 3]; 3 *шыла* [2/16 - 7]), поэтому написания с **ѣ** и его заменами перед буквами *ш*, *ж* рассматриваются в данном разделе.

Этимологически правильные написания с **ѣ** многочисленны и встречаются почти у каждого писца: *сѣро^у* [2/4 - 7, 10], *сѣна* [2/4 - 1], *хлѣбу* [2/8 - 1], *обѣда^н* [2/33 - 14], *рѣны* [2/45 - 3], *тѣста* [2/4 - 13], *уѣ^дны^м* [25 - 2], *цвѣтомъ* [11 - 2], *слѣдуетъ* [13 - 2], *сѣже^у рыбы* [2/27 - 23], *трѣки на ѣжу купилъ* [2/13 - 14] («на еду») и т. д.

В той же позиции отмечены случаи замены этимологического **ѣ** буквой *е*: *серого* [2/5 - 2], *бело^е* [2/2 - 2], *желе^зны^х* [2/1 - 14], *ехати* [2/2 - 13], *по^нмеры* [2/6 - 12; 2/43 - 8], *в цело^у* [2/4 - 7], *два безмена* [2/9 - 1], *на ежу* [2/13 - 6 (3 р.)] и т. д.

Примерно четверть всех корней с этимологическим *ѣ (около 25%) пишется с буквой *е* вместо **ѣ**. Это реже, чем в среднем по севернорусским памятникам письменности [4, 79].

Помимо замены **ѣ** на *е*, существуют написания с эффектом обратной замены е буквой ѣ: *к нѣводу* [2/30 - 40], *Фѣдоровича* [2/15 - 4], *на подмѣ^нки* [2/62 - 4], *казѣнны^х дене^е* [2/24 - 15], *20 рублѣвъ* [3/3 - 3], *корову нѣ^стру* [2/16 - 3], *20 верѣво^к липовы^х* [2/23 - 31] и т. д.

В этой позиции в говорах развивался переход [е] в [о], однако маловероятно, чтобы буква **ѣ** ассоциировалась у писца со звуком [о]. К.В. Горшкова считает, что подобная орфография может свидетельствовать о непо-

следовательной или слабой лабиализации [е] в [о] в говоре [2, с. 92].

В описываемой позиции нам встретилось одно написание с буквой и на месте *ѣ: *зипу^н сиро^у* [3/12 - 1] – и пример обратной замены и на ѣ: *да^н на свѣ^нки² ста^рцу* [2/64-11].

Позиция перед мягкими согласными

К этой позиции мы также относим написания перед буквами *ц* и *ч*, т. к. шенкурскому говору в XVII в. было свойственно цоканье: *желѣза цере^нного³* [2/10 - 33, 39], которое было мягким (см. написания с сочетаниями *цю*, *чю*: *кожицю* [2/43 - 2], *ивана чюваева* [2/46 - 2]).

Этимологически верное употребление **ѣ**: *тѣлогрѣю* [2/1 - 21], *дѣте^м* [2/80 - 6], *сѣяно было* [2/39 - 12], *свѣчи скать* [2/33 - 4], *купи^н сѣмени* [2/4 - 8], *за мѣсе^н* [2/14 - 8], *на зарѣ^чи* [2/9 - 25], *хмѣлю* [2/1 - 9] и т. д.

Замена ѣ на е: *ме^дведеву* [2/1 - 21; 2/3 - 3], *на хлебе* [2/21 - 2], *на сенѣ* [2/1 - 5], *дѣте^м его* [3/2 - 6], *на свечи* [3/2 - 8], *телогрѣ^ук боран^ю* [3/12 - 4], *7 копеекъ* [2/16 - 12] и т. д.

В этой позиции преобладает написание с **ѣ** на месте *ѣ, случаев использования буквы *е* всего около 15% от общего числа случаев для позиции перед мягкими согласными.

Примеры обратной замены е на ѣ: *у постѣльника* [2/8-7], *дѣне^е* [3/3-2], *дворѣ^нкому* [2/23-40], *мѣри^н* [2/41 - 12], *два рѣмѣни сыромя^нны^х* [3/3 - 5], *при казначѣ^н* [2/19 - 1, 20], *колачѣ^н* [2/15 - 1] и т. д. Таких написаний меньше, чем примеров с заменой **ѣ** на *е*.

В позиции между мягкими согласными отмечено несколько случаев употребления буквы и на месте *ѣ: *сви^ч* [2/43 - 4], *хлибе^нному* [3/8 - 7], *сѣмени* [2/49 - 21], *тѣлогрѣ^цу* [2/3 - 19]. Очевидно, что этих написаний недостаточно для того, чтобы сделать вывод о реализации древнего *ѣ между мягкими согласными в звуке [и] в шенкурском говоре.

Таким образом, однозначной картины реализации древнего *ѣ под ударением по материалам рукописей воссоздать не получается. В позиции перед твердым согласным преобладание этимологически верного на-

¹ Всего нами было исследовано 1532 листа рукописного текста. Большая часть рукописей хранится в Государственном архиве Архангельской области, фонд 829 (при цитировании материала [№ описи/№ документа - № листа]), отдельные документы находятся в Российском государственном архиве древних актов, фонд 1460, опись 1 (при цитировании материала [№ документа - № листа]).

² Свита – вид верхней одежды [7, 581].

³ Черен – (2) сковорода для выпарки соли; солеварный котел [8, с. 340].

писания *ѣ* может свидетельствовать или о стремлении писцов выдерживать норму, сложившуюся в московском диалекте XVI–XVII вв. [см. 1], или об устойчивости фонемы <ѣ> в исследуемом говоре. Дело в том, что с XVII в. в севернорусских деловых текстах «действует тенденция к ограничению использования буквы *ѣ*» [4, с. 82], так что значительное преобладание написаний с *ѣ* под ударением в рукописях из Важского Богословского монастыря может свидетельствовать о сохранении <ѣ> как особой фонемы. В пользу этого предположения также могут говорить написания с *и* вместо *ѣ* между мягкими согласными. Если в шенкурском говоре XVII в. *ѣ воплощался в звуке средне-верхнего подъема [к] или [ие], то подобный гласный под влиянием следующего за ним мягкого согласного сближался с гласным [и], поэтому именно перед мягким писцы могли сбиваться с *ѣ* на *и* [5, с. 45].

Обратимся к более поздним исследованиям шенкурского говора. Мы будем опираться на данные начала XX в., собранные В. Мансиккой, и на записи 1970-х и 2000-х гг., сделанные во время диалектологических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова (материалы хранятся в кабинете диалектологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

Описывая качество *ѣ, В. Мансикка отмечал, что в северной части Шенкурского уезда, в которой находился Важский Богословский монастырь, переход *ѣ* в *и* нерегулярен: *вѣтер*, *имѣю*, *обѣдня*, *сѣли*; *мидвѣдь*, *нидѣля*, *на свѣте*, *пѣсня*, *сѣвер* [6, с. 89-90, 99]. В южной же части уезда обнаруживается «правильный переход *ѣ* в *и* перед мягкими согласными»: *вѣть*, *дѣти*, *звѣрь*, *здѣсь*, *мѣсець*, *рѣцька* [там же]. Получается, что в начале XX в. в северной части Шенкурского уезда еще сохранялись следы особой фонемы <ѣ>, хотя о регулярной реализации *ѣ в звуках [к] или [ие] говорить, по-видимому, уже не приходится.

Изучив записи 1974 – 1975 гг. и 2007 г., мы обнаружили, что на месте *ѣ регулярно звучит [е] перед твердыми и мягкими согласными: [с'ено, д'эвок, б'элы], хл'эбом, л'эс; вр'эм'о, п'эч'к'и, јез'д'ил'и, на н'ед'эл'ку, с'јэл'и, м'едв'эд'иц'а]. Иногда встречается произнесе-

ние [и] на месте *ѣ перед мягкими согласными: [д'в'ір'и, б'іл'ин'к'иј, по р'ич'к'е, јіз'д'ат, јіс'т', прос'в'ич'иват, с'м'ин'ат]. В записях 1970-х гг. отмечено несколько случаев произнесения дифтонга [ие] и один раз [к] в речи трех информантов: [посмотр'иел'и, појѣд'ет, п'иес'н'и] – между мягкими; [покр'иепч'е, згор'иел, т'иесто] – перед твердыми согласными.

Получается, что в диалектных записях XX–XXI вв. обнаруживаются следы особой фонемы <ѣ>. Это может указывать на то, что три – три с половиной столетия назад в шенкурском диалекте могла существовать особая фонема переднего ряда средне-верхнего подъема.

Чтобы убедиться, что <ѣ> была свойственна шенкурскому говору именно в XVII в., а не утратилась раньше, приведем еще один аргумент. В шенкурских рукописях этого периода встречаются написания *у* на месте *о* под ударением: *ку^ѣши^к купи^н* [2/23 - 35], *на коруве^ѣ дво^ѣ* [2/24 - 10], *купи^н бу^ѣку смолы* [2/28 - 14], *кужу сырую* [2/14- 9], *ждану кунюху* [3/8 - 12] – мы считаем, что за заменами *у* на *о* может стоять произнесение [ф], т. к. известно, что в некоторых южновеликорусских текстах XVII в. [ф] может изредка передаваться буквой *у* [5, с. 28-31]. В таком случае правомерно ожидать появления гиперкоррекции, т. е. передачи этимологического [у] под ударением посредством буквы *о*. Такие написания известны шенкурским рукописям XVII в.: *зипо^ѣ серо^ѣ* [3/12 - 3], *ру^ѣль дене^ѣ да тое ро^ѣль* [2/2 - 8], *половину плога* [2/13 - 1], *да^ѣ...тро^ѣника^ѣ* [3/5 - 23], *по игомен^ѣкому* [2/53 - 20]. Можно предположить, что в шенкурском говоре XVII в. существовала фонема <ф>, которая, судя по небольшому количеству примеров, уже находилась в процессе утраты.

Известно, что фонема <ф> сохраняется только в тех говорах, в которых она поддерживается наличием на уровне средне-верхнего подъема особой фонемы <ѣ>. Значит, в шенкурском говоре XVII в. фонема <ѣ> еще существовала, однако, судя по заменам *ѣ* на *е* и обратным, она начала утрачиваться. Получается, что в отличие от соседних вологод-

ских говоров, в которых процессы, связанные с судьбой **ѣ**, завершились к середине XVII в. [3, с. 191], в шенкурском говоре в этот период изменения продолжались, они закончились позднее XVII в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильев Л.Л. К истории звука э в московском говоре XVI–XVII вв. // Известия ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2. – С. 177-227.
2. Горшкова К.В. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма // Вопросы языкознания. – № 5. – 1964. – С. 87-99.
3. Копосов Л.Ф. Фонетика вологодских говоров XVI–XVII веков // Ученые записки Моск. обл. пед. инст. 1967. Т. 204. Вып. 14. – С. 185-196.
4. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). – М., 2000. – 287 с.
5. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). – М., 1963. – 236 с.
6. Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2. – С. 86-144.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. – М., 2003. – 831 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. – М., 2003. – 863 с.

УДК 811.161.1'373

Лукина Е.С.

Московский государственный областной университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

E. Lukina

Moscow State Regional University

LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF ITALIAN BORROWINGS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантическое значение и языковое происхождение итальянских заимствований в русском языке. Под влиянием внешних и внутренних причин значение некоторых из них могло измениться (*консерватория, помада*), расшириться, в зависимости от сферы употребления (*лимон, паста, парапет, касса*), или утратиться (*барак, банкет*). В процессе изучения происхождения итальянских заимствований анализируются и сравниваются словарные статьи этимологических и толковых словарей. В результате выявляется их семантическая активность, т. е. у большинства исследованных слов семантика расширяется пропорционально активности в различных коммуникативных сферах.

Ключевые слова: итальянский, заимствование, этимология, семантика.

Abstract. The article deals with the semantic meaning and linguistic origin of Italian borrowings in the Russian language. Under the influence of inner and outer reasons the meaning of some of them could change (*conservatoire, lipstick*), enlarge, depending on the area of usage (*lemon, paste, parapet, cash desk*), or be lost (*barracks, banquet*). The vocabulary entries of etymological and explanatory dictionaries are compared and analysed in the process of studying the origin of Italian borrowings. Consequently, their semantic activity reveals itself, i.e. the majority of the studied words have the semantics enlarged in proportion to their activity in different communicative areas.

Key words: Italian, borrowing, etymology, semantics.

Лексика итальянского происхождения в русском языке до сих пор изучена недостаточно глубоко. В основном это работы лингвистов, косвенно затрагивающие данную проблему.

© Лукина Е.С., 2011.